

СИДИМ ДОМА. ЧИТАЕМ КНИГИ

ЕКАТЕРИНА ОАРО

Как начать писать легко.
Держись и пиши.

Екатерина Оаро
Как начать писать
легко. Держись и пиши
Серия «Сидим дома. Читаем книги»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51864402

Как начать писать легко. Держись и пиши: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-126677-6

Аннотация

Каждый, кто приступает к написанию текста, знает, какой это может быть непростой процесс. Сесть, сосредоточиться и начать выводить слова на бумаге или набирать их на клавиатуре – настоящее испытание! Вы боитесь подобрать неверные слова и просто уверены, что в итоге выйдет нечто банальное, перегруженное штампами и весьма далекое от первоначальной идеи. Книга Екатерины Оаро – ваш союзник в этом нелегком деле. Автор книги не только много лет обучает людей искусству создания текстов, но и, конечно, создает их сама. Поэтому она не понаслышке знает, с какими трудностями вы столкнетесь и как их преодолеть. Книга содержит множество практических советов и упражнений, которые помогут вам бесстрашно приступить к делу и не опасаться за результат.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Екатерина Оаро

Как начать писать легко. Держись и пиши

© Оаро Е., текст

© ООО “Издательство АСТ”

Глава 1

Миф о том, с чего начинается книга Или: а если нет сюжета? а если нет героя?

Когда мне было шестнадцать, я просто садилась за стол и раскрывала тетрадь, не загадывая, куда приведет меня текст. Так много удовольствия, так мало рассудка!

Писать я перестала, когда начала изучать теорию писательского мастерства. Я прочитала, что такое конфликт, каким должен быть герой и что сюжет должен быть похож на синусоиду. И замерла. Знания эти еще не превратились в навыки, но писать по-старому я уже не могла. Я осознала, что все, что я записываю – это какие-то маленькие бессюжетные картинки, а то и вовсе... чувства. Они годились для личного дневника, но не перерастали в произведения. И я решила не растрачивать себя почем зря и сразу примеряться к большой прозе.

Так я вообразила себе, что, садясь за текст, нужно иметь все: продуманных очаровательных персонажей с их «арками», мощную кульминацию, необычную композицию и свой стиль. И, конечно, идею – то самое школьное «что хотел ска-

зать автор». То есть что текст должен начинаться... со всего сразу.

Но приходит ли школьнику в голову, что автор мог быть настолько дерзким, чтобы писать, не зная, что же он хочет сказать? Или не зная, чем все закончится? Мне не приходило. Я считала, что, чтобы создать рассказ или роман, нужно сначала собрать все его элементы.

Как много времени я потеряла из-за этой идеи! Образы продолжали возникать передо мной каждый день, но теперь я не переносила их на бумагу: ведь у меня не было для них рамки. К чему эти вспышки, если они не складываются во что-то большее?

Я просто перестала писать и стала ждать, когда все сойдется. Так и наступила первая в моей жизни писательская блокировка.

Я потеряла несколько лет, ожидая, когда текст родится у меня в голове. Ожидание мучило меня, подтачивало самооценку. Но однажды я прочла свидетельство Уильяма Фолкнера о том, с чего он – лауреат Нобелевской премии! – начал писать роман «Шум и ярость»:

«Все началось с образа, который возник у меня в голове, – спокойно рассказывал Фолкнер. – В то время я не понимал, насколько он был символичен. Это была девочка в замаранных сзади штанишках, которая сидела на грушевом дереве и смотрела через окно в дом, где хоронили ее бабушку, и сообщала братьям,

стоящим внизу, что происходит».

Давно я не чувствовала столько злости! Ведь у меня таких девочек на деревьях было полблокнота и полголовы! Но что взять с них? Законченного произведения и не намечалось.

«Когда я объяснил себе, кто они такие, что делают и почему у нее грязные штанишки, я понял, что уложить все это в рассказ не получится, это должна быть большая книга», – продолжал Нобелевский лауреат.

Что он себе позволяет? И неужели так все-таки можно? Одна часть меня кричала: «Да!», а другая не понимала, как из этой картинки, почти фотокарточки, можно создать целый роман.

«Сначала я попробовал изложить историю в том виде, как она представлялась одному из братьев, написал первую часть, чувствую – чего-то не хватает. Тогда я дал высказаться второму брату – опять не то. Я взял третьего брата, потому что Кэдди по-прежнему казалась мне такой трогательной и прекрасной, что не хотелось заставлять ее всего лишь пересказывать события, я считал, если другие будут говорить о ней, книга наполнится живым чувством. И снова неудача. Тогда, уже в четвертой части, я решил рассказать о случившемся от себя, и – снова ничего не вышло...»

И я, наконец, стала понимать. Первое: Фолкнер доверял

странной картинке с девочкой в замаранных штанишках в своей голове. И второе: он не ждал, когда образ превратится в роман сам. Он начал писать, как будто метать дротики в дартс: раз за разом промахиваясь. Но говорит об этом так, что понимаешь: промахи нормальны, не нормально – останавливать игру.

Мне пришлось сделать то, что, мне кажется, любой человек должен однажды сделать. А именно: изменить свое мнение. И начать метать дротики снова.

Как это обычно бывает, на меня тут же посыпались свидетельства других авторов. К примеру, Клайва Стейплза Льюиса, автора «Хроник Нарнии»:

«...Кажется, некоторые считают, что вначале я спросил себя, как рассказать детям что-нибудь о христианстве, потом как средство выбрал сказку, собрал сведения о детской психологии и определился, для какого возраста буду писать, набросал список христианских истин и придумал к ним аллегории. Это – полная ерунда. Так я бы не написал ничего. Все началось с образов: фавн под зонтиком, королева в санях, величавый лев. Сперва там не было ничего от христианства, это пришло само собой, позже, когда я уже кипел.

Настал черед Формы. Образы соединялись друг с другом, возникала история. В ней не было ни сложных характеров, ни любовных линий. Жанр, в котором все это отсутствует, – сказка. И как

только я понял это, я полюбил саму Форму: ее краткость, строгую сдержанность описаний, ее гибкие традиции, ее непримиримость ко всякому анализу, к отступлениям, рассуждениям и прочей болтовне. Я влюбился в сказку, мне нравился даже ее ограниченный словарь, как скульптору нравится твердый камень, а поэту – сложный сонет».

Сначала вымазанные штаны на дереве, теперь фавн под зонтиком... Доверять тому, что почему-то тронуло меня, оказалось сложно. Но мне пришлось снова начать это делать, ведь мои образы – единственное, что у меня есть. Может быть, чьи-то повести начинаются с чего-то более внятного, но мои – и, возможно, ваши – с такой вот мелочи, неожиданной вспышки интереса или случайной фразы.

Текст может вырасти из смутного непрожитого чувства или вертящегося в голове вопроса, из необходимости суммировать свой опыт и разобраться, о чем он, из потребности решить социальный вопрос – да из чего угодно.

«Когда я сажусь писать книгу, я не говорю себе: “Хочу создать произведение искусства”. Я пишу ее потому, что есть какая-то ложь, которую я должен разоблачить, какой-то факт, к которому надо привлечь внимание, и главная моя забота – постараться, чтобы меня услышали», – пишет Джордж Оруэлл.

Когда я решила доверять тому, что у меня есть, мой писательский блок тут же прошел. В блокнот снова потекли опи-

сания башенки на здании, голоса уличного музыканта, подсмотренные у людей странные привычки...

Мне бы хотелось, чтобы процесс создания произведения был похож на сбор спелых яблок. Но в реальности он напоминает скорее созревание жемчуга. Вы знаете, как это происходит? В раковину моллюска попадает крошечная личинка мелкого насекомого, песчинка или паразит. Стенка этой раковины внутри покрыта мантией, в которой множество мелких нервных окончаний. Как в вашей душе, – хочется добавить мне. Они реагируют на то, что попало внутрь, и выделяют вещество, которое люди называют перламутром. Так рождается сначала крошечное жемчужное зернышко, а через несколько лет – жемчужина.

Несколько лет – это, конечно, долго для нашего времени. Но все зависит от возраста жемчужницы, места, где она живет, состояния экологии... И практики, – добавлю я.

Доверие песчинкам превращает человека в автора: начинаешь ходить повсюду с ручкой и даже в путешествие берешь не камеру, а блокнот. Собираешь эти песчинки, раскладываешь их по своим раковинам – и потихоньку добавляешь перламутра.

Авторы умеют ждать и делать заготовки. «Без заготовок, – признавался Маяковский, – хорошей вещи к сроку не сделаешь». Читая его статью «Как делать стихи?», я понимаю, что этот автор умел доверять своим фавнам и выносить неопределенность. Вот он рассказывает, как целых два года образ

лежал у него в раковине, а потом – раз! – и стал названием ПОЭМЫ:

«Году в тринадцатом, возвращаясь из Саратова в Москву, я, в целях доказательства какой-то вагонной спутнице своей полной лояльности, сказал ей, что я не “мужчина, а облако в штанах”. Сказав, я сейчас же сообразил, что это может пригодиться для стиха, а вдруг это разойдется изустно и будет разбазарено зря? Страшно обеспокоенный, я полчаса допрашивал девушку наводящими вопросами и успокоился, только убедившись, что мои слова уже вылетели у нее из следующего уха. Через два года “облако в штанах” понадобилось мне для названия целой поэмы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.